

ДИСКУРС

А.В. Арапов

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ДУХОВНЫЕ СТИХИ (ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ)

***Аннотация.** Между репертуаром духовных стихов середины XIX в. и современными духовными стихами практически нет преемственности. За прошедшие сто лет произошли самые существенные изменения как в стилистике, так и в содержании духовных стихов. Русская народная культура претерпела трансформацию, обусловленную, прежде всего, практически полным разрушением традиционной крестьянской культуры и традиционного уклада жизни. Даже крестьянин, не говоря уже о горожанине, живет теперь больше в истории, чем в космосе. Если для большинства исполнителей и слушателей духовных стихов XIX в. жизнь была размеренно-циклической, подчиненной аграрным ритмам, то ситуация XX в. обострила внимание к экзистенциальной проблематике, вопросам личного выбора и жизни христианина в чуждом, и даже враждебном окружении. Для авторов духовных стихов стало актуальным непосредственное обращение к жизни Иисуса как к примеру для христианина, оказавшегося в критической ситуации. Если в собраниях, которые анализировал Г.П. Федотов, почти отсутствовали стихи, посвященные земной жизни Спасителя, то среди современных духовных стихов такие стихи занимают весьма значительное место.*

***Ключевые слова:** православие, почитание святых, духовные стихи, Г.П. Федотов, традиционная культура, современная религиозная жизнь, Воронежская область, эволюция религиозного сознания, народная поэзия, эпоха модерна.*

Двадцатый век — эпоха, когда во всех сферах жизни российского общества произошли драматические перемены. В этой статье мы рассмотрим, каким образом эти изменения отразились в содержании православных духовных стихов.

Прежде чем обсуждать сами духовные стихи, приведем сведения, касающиеся изменения на протяжении XX в. некоторых статистических и социологических показателей, характеризующих религиозную жизнь (см. табл. на стр. 255).

В 1999 г. в состав Воронежско-Липецкой епархии Русской Православной Церкви входили 352 действующих храма. Для удобства управления епархией она подразделялась на 17 благочинных округов. Каждый благочинный округ географически охватывал два-три района области. В 1991 г. на территории Воронежской области существовали также 9 общин Истинно-православных христиан (215 чел.), 1 община РПЦЗ (12 чел.) и 1 община Российской Православной Свободной Церкви.

По поручению идеологической комиссии Воронежского Промышленного Обкома КПСС в 1964 г. проводи-

лось обследование семей в Воронеже с целью изучения религиозности населения¹. Исследовались мотивы совершения религиозных обрядов. Обнаружилось, что наиболее распространенный мотив крещения — вера в его целебные свойства. Так же распространенным мотивом является убеждение, что мать, окрестившая ребенка, будет счастлива в личной жизни. Многие окрестили детей «на всякий случай».

От кого исходит инициатива крещения детей:

1. Окрестили своих детей под влиянием пожилых родственников и знакомых и по согласию матери и отца в 224 семьях (55% опрошенных семей);
2. Окрестили детей пожилые родственники и знакомые тайно от отцов — в 51-й семье (12,3%);
3. Окрестили детей пожилые родственники тайно от матери — в одной семье;
4. Окрестили детей пожилые родственники и «религиозные кликуши» тайно от отца и от матери в 69 семьях (16,9%);
5. Родители и родственники скрывают факт крещения в 62-х семьях (15,2%).

¹ ГАВО, Ф. 967, оп. 5, д.86, лл. 29-30.

	1909 г.*	1945 г.**	1990 г.***
Монастыри	17	нет	1
Церкви (всех видов)	1096 (в т. ч. 14 соборных, 863 приходских, 46 монастырских)	88 действующих 152 недействующих (в т.ч. 116 занято под хозяйственные нужды).	93 религиозных объединения. Церковные здания: 89 действующих 153 недействующих
Священники	Около 1200 (в т.ч. 38 протоиереев)	106	85 служителей культа
Диаконь	262	24	
Псаломщики	1096	32	

* Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. М.: Возрождение, 1992. С. 551-554.

** Государственный архив Воронежской области (ГАВО), ф. Р-967, оп. 5, д. 2, л. 27, 28, 135.

*** ГАВО, ф. Р-967, оп. 1, д. 325, л. 4,7,8.

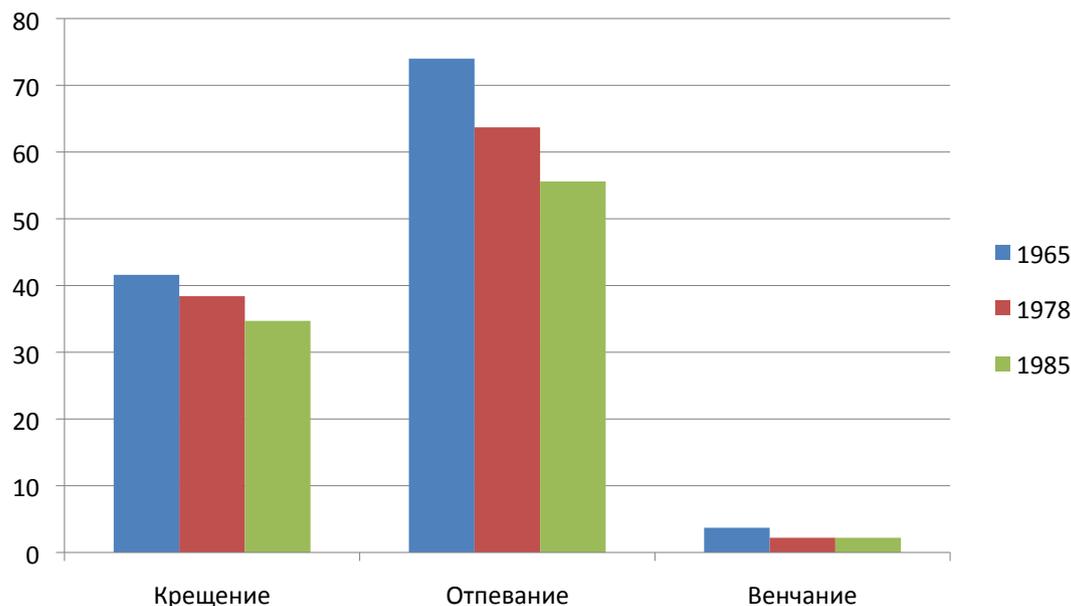
Далее мы приводим диаграмму, в которой в наглядной форме отражается динамика основной обрядности по Воронежской обл. в 1965-1985 гг. Цифры даны в процентах. За 1965 г. сведения приведены только по первому полугодью. Поскольку сравниваются процентные соотношения, а не абсолютные цифры, в данном случае это не является существенным. К сожалению, в настоящий момент нет возможности установить число крещений и отпеваний в более ранний период (см. рис. на стр. 256).

Перейдем к самим духовным стихам. В конце XIX начале XX вв. был выпущен ряд достаточно пространственных и репрезентативных сборников духовных стихов, из которых особо следует отметить «Калики переходные» П.Л. Бессонова. Духовные стихи из этих сборников послужили, в частности, материалом для анализа, предпринятого Г.П. Федотовым в его книге «Стихи духовные». В 2011 г. в результате 20-летнего труда студентов и преподавателей филологического факультета Воронежского государственного университета по сбору духовных стихов за период с 1990-х по 2011-е гг. вышел сборник «Духовные стихи Воронежского края»². Теперь мы можем рассмотреть русские духовные стихи в динамике, сопоставить народную духовную поэзию, исполнявшуюся в XIX и в XX вв. И здесь сразу обращает на себя внимание тот факт, что

между репертуаром духовных стихов середины XIX в. и современными духовными стихами практически нет преемственности. За прошедшие сто лет произошли самые существенные изменения, как в стилистике, так и в содержании духовных стихов. Русская народная культура претерпела трансформацию, обусловленную, прежде всего, практически полным разрушением традиционной крестьянской культуры и традиционного уклада жизни.

Эта трансформация началась уже в XIX в. В до-реформенной России идеальной моделью построения социальных, экономических, религиозных отношений была патриархальная модель. Во главе государства стоял монарх, наделенный сакральной харизмой. Он воспринимался как отец своих подданных, как «Царь-батюшка». И в сфере взаимоотношений помещик — крестьяне выдвигалась как идеальная модель взаимоотношений по типу отец — дети. Здесь достаточно упомянуть «Путешествие из Москвы в Петербург» А.С. Пушкина и «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. Здесь следует отметить и тот факт, что идеология Пугачевского восстания при всей своей антидворянской направленности носила монархический характер и ставила под сомнение действительность конкретного воплощения монархического идеала, но не сам этот идеал. Существовавший социальный порядок рассматривался как исходящий непосредственно от Бога, как проявление Божьей воли, Божьего промысла. Более или менее стабильное существование было обеспечено и для дворянства, и для крестьянства, и для ду-

² Духовные стихи Воронежского края / подготовка текста и составление Т.Ф. Пуховой, Т.В. Мануковской, А.А. Чернобаевой. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. 283 с.

ховенства, сближавшегося в экономическом отношении с крестьянством (сельский священник) или дворянством (монастыри, церковная иерархия). Соответственно, и авторитарная власть монарха воспринималась не как чуждая и враждебная сила, а как выразитель и защитник интересов представителей различных сословий и, прежде всего, дворянства. Сам монарх был и “первый дворянин”, и высший хранитель аристократической традиции и культуры. Однако в пореформенную эпоху ситуация изменяется. Уклад аграрно-аристократический уступает со все возрастающей скоростью укладу промышленно-капиталистическому. Отношения, основанные на прежних традициях и моделях, уступают место отношениям, основанным на новом, буржуазном идеале — идеале голого экономического расчета, прибыли любой ценой; все становится предметом купли-продажи. Прежнего помещика-аристократа теснит новая фигура капиталиста — зачастую выходца из низов. Гоголевский “Чичиков” или чеховский “чумазый” с их культом денег выдвигаются в центр социально-экономической жизни России. В тяжелом положении оказывается крестьянство. Значительная часть его обезземеливается, порывает с сельским хозяйством и пополняет ряды формирующегося пролетариата. В крайне неустойчивом и затруднительном положении оказывается и тесно связанное со своими прихожанами белое духовенство. Представители обоих новых ведущих классов буржуазии и пролетариата оказываются равно оторванными от традиции, связанной с аграрным укладом. Таким

образом, в обществе в целом происходит разрушение предшествующего традиционного уклада с его системой освящения трудовых и бытовых аспектов жизни. Такова ситуация в пореформенной России. В советское время цивилизационная трансформация становится ещё более радикальной и необратимой. Советский колхозник — это не крестьянин XIX в., и к пресловутому “русскому мужичку” он уже не имеет никакого отношения. О городском жителе и говорить не приходится. Крушение традиционного жизненного уклада нашло отражение в духовных стихах. Разрушается система общинных взаимоотношений: «Люди стали как звери все злые, каждый день и минуты грешим, а загробную жизнь позабыли, на суд Божий совсем не спешим»³ (эта и последующие две цитаты приводятся по рукописи из моего собрания, в которой текст несколько отличается от приведенного в данном сборнике). Зачастую не выдерживают испытаний и традиционные семейные ценности: «Не надейся на родного брата, брат быть может тебе первый враг, а надейся на Господа Бога, Бог помощник во всяких делах» (этот же стих). Открывать другому свою душу становится и бесполезно и рискованно: «так не вздумай же в трудное время поделить свое горе кому, один Бог облегчит твоё бремя, доверяйся Ему одному» (этот же стих).

Если в собраниях, которые анализировал Г.П. Федотов, почти отсутствовали стихи, посвященные земной жизни Спасителя, то среди современных духов-

³ Там же. С. 190.

ных стихов такие стихи занимают весьма значительное место. Есть стихи о Рождестве, Крещении, о притчах и чудесах Иисуса. Особенно много стихов о страданиях и смерти Спасителя. Если для большинства исполнителей и слушателей духовных стихов XIX в. жизнь была размеренно-циклической, подчиненной аграрным ритмам, то ситуация XX в. обострила внимание к экзистенциальной проблематике, вопросам личного выбора и жизни христианина в чуждом, и даже враждебном окружении. Это обусловило актуальность обращения к земной жизни Спасителя, который «много претерпел, за врагов молился, за друзей скорбел»⁴. И хотя в русской литературе эти вопросы были поставлены задолго до событий XX в., но в народном сознании они выходят на первый план уже в послереволюционный период.

Изменения затрагивают и почитание святых. В имеющихся современных записях мы встречаем духовные стихи, посвященные следующим святым (кроме персонажей Ветхого Завета): Алексей Божий Человек, Георгий Победоносец, мученица Варвара, Николай Чудотворец, Пантелеймон Целитель, Митрофан Воронежский, Тихон Задонский, Серафим Саровский, Ксения Петербургская. За исключением Георгия Победоносца нет упоминания святых — традиционных покровителей сельскохозяйственного труда. Впрочем, и почитание святого Георгия уже не такое, какое было прежде — в Покровском кафедральном соборе в г. Воронеже в начале XXI в. не оказалось даже его иконы! Если выйти за пределы анализа духовных стихов и обратиться к наблюдениям, касающимся почитания святых в современном русском православии, то следует отметить, что большинство наиболее чтимых в настоящее время русских святых относятся к XVIII–XX вв.: Тихон Задонский, Митрофан Воронежский, Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский, Царственные Мученики, Ксения Петербургская, Матрона Московская. Из русских святых допетровского периода «активно» почитается только Сергей Радонежский. Поразительно, но даже почитание страстотерпцев Бориса и Глеба почти полностью свелось к почитанию их как своих личных покровителей носителями этих имен. Вместо святых — помощников в земледелии и скотоводстве, на первый план выходят святые — покровители крупных городов (Ксения Петербургская, Матрона Московская, Митрофан Воронежский, Иоанн Тульский). Между тем, в новых условиях воспроизводится типология русской святости, выделенная Г.П. Федотовым (в книге «Святые Древней Руси» выделяются следующие характерные типы русской святости: тип страстотерпца, тип монаха, причем специфически отечественный тип — «русский

инок», тип святителя и тип юродивого). Однако, в качестве представителей этих традиционных для народного православия типов святости выступают уже другие святые. Например, можно отметить, что в роли страстотерпцев Царственные Мученики занимают место князей Бориса и Глеба.

Существенное изменение в XX в. претерпевает образ Матери-сырой земли. В сборниках духовных стихов XIX в., этот образ занимает важное место. Земля в до-революционных стихах — кормилица, хранительница нравственного закона, к ней обращаются как к живому существу, каются перед ней. Для Федотова культ Матери-земли — один из столпов народной веры. В современных духовных стихах Сырая земля, в первую очередь — земля могильная, и она не персонифицируется. Матерью земля именуется только в одном стихе (из 194-х современных)⁵, но и в этом случае она не является адресатом покаяния. Эти изменения вполне объяснимы. В XX в. в России разворачиваются процессы урбанизации и индустриализации. Бытие человека зависит уже не столько от природы и земли, сколько от исторических событий и политических решений. Даже крестьянин, не говоря уже о горожанине, живет теперь больше в истории, чем в космосе. Если в XIX в. был актуальным такой, например, стих: «Попаси ж ему... Мамонтий козок, Терентий курока, Зосим Соловецкий пцолок», то в XX в. христианину стало уже не до «пцолок». Совсем другие мотивы выходят на первый план:

Если постигнут меня испытания,
Скорби, утраты, враги,
В час трудный жизни, в минуты страданья
Я молюсь и прошу: «Ты мне помоги»⁶.

Г.П. Федотов полагал, что народная вера представляет собой «нерасторжимый сплав, представляющий качественно иное духовное образование, чем ортодоксальное христианство, сплав, где преображенное язычество стало необходимой частью мировоззренческой системы» (послесловие С.Е. Никитиной к изданию 1991 г.)⁷. Несомненно, языческие элементы в народном православии сохраняются и в наши дни, но это уже не рудименты славянской религии, а скорее заново сформировавшаяся на православной обрядовой основе «есте-

⁴ Там же. С. 164.

⁵ Там же. С. 181.

⁶ Там же. С. 166.

⁷ Федотов Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Вступ. ст. Н.И. Толстого; Послесл. С.Е. Никитиной; Подготовка текста и коммент. А.Л. Топоркова. М.: Прогресс, Гнозис, 1991. (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения). 192 с.

ственная религия». Впрочем, эта естественная религия в духовных стихах практически не отражена. Удельный вес собственно христианского в них возрастает. В этом отношении они сближаются со старообрядческими духовными стихами. Это не случайно. Старообрядцы находились на протяжении практически всей истории своего существования в Российской империи под более или менее жестким давлением господствующей церкви. В советское время уже бывшая господствующая церковь оказалась под давлением коммунистической власти. В условиях внешнего давления религиозный выбор становится более осознанным. Уже невозможно придерживаться «веры отцов» просто по инерции, только лишь в силу семейной традиции. И старообрядец в Российской империи и член РПЦ в советский период постоянно оказывались в ситуации выбора. И такая ситуация способствовала более рефлексивному отношению к основам своей религии. В советское время, конечно, стало меньше возможностей для знакомства с православной литературой, но зато появилось больше поводов задуматься над своей верой, осмыслить — в чем она состоит? Духовные стихи становятся ближе к Евангелию. Христианская вера теперь выражена в них ясно и отчетливо.

Господь — мой Бог, Господь — Учитель,
Господь — Спаситель грешных душ,
Спаси меня, Господь-Спаситель,
Коль мы поверили в Тебя.
Я не хочу иного Бога,
Иисуса мы хотим любить.
Он мой Учитель и Спаситель.
Иного Бога не может быть.
Иисус родной, Тебя распяли
За наши тяжкие грехи.
И кровь твоя лилась безвинно.
Смеялись над Тобой верхи.
Господь, мой Бог, люблю Тебя,
Люблю любовью неземной,
Люблю Тебя я всей душой,
Ты, верный Бог мой, будь со мной⁸.

Возникает и необходимость осмыслить — что значит «жить по-христиански»? Здесь надо отметить, что уже в XVII-XVIII вв. в русском религиозном сознании сформировались три понимания христианской этики.

1. «**Этика святости**». Категорическая недопустимость т.н. грубых грехов. «Классический набор» —

полный отказ от употребления алкоголя, курения, внебрачной сексуальной жизни. Святость понимается как соблюдение вышеупомянутых норм. Лица, уличенные в этих грехах, подвергаются обязательному дисциплинарному взысканию вплоть до исключения из общины. Такая этика характерна как для большей части русского сектантства, так и для русского протестантизма. При наличии подходящей ситуации эта тенденция приобретает социальный характер, выражается в строительстве общин с ориентированным на «этику святости» жизненным укладом, долженствующих стать идеальным духовным царством. В наибольшей степени социальная тенденция реализовалась у духоборов и в ряде молоканских толков.

2. **Радикально-нонконформистская этика**. Радикальное противопоставление внутренней этики этике внешнего мира. Этот радикализм имеет две стороны. Одна сторона жесткий аскетизм — отказ от брака. У хлыстов существовал запрет на брак, аналогичный запрет существует сейчас у федоровцев. Вторая сторона — антиномизм. Телесный контакт во время радений как выражение братской любви: «...У хлыстов на их собраниях открыто допускаются ласки со всеми 'сестрами'». Поэтому у них нет лжи, нет фальши (...). Сколько тут (во время радения) радости! Сколько слез!.. Какое высокое состояние духа! Тут и объятия жаркие, братские лобзания, поцелуи горячие ... Любовный восторг, духовный экстаз ... Некоторые, не помня себя, хватают женщин на руки, качают их, любят ими: 'Красота Божия'⁹. Такие же радения, но описанные авторами, враждебно настроенными по отношению к христоверию: «Оренбургский хлыст Кожевников, находясь в экстагическом возбуждении, «стал гулять, прохаживаться по келье (моленной) с тремя девицами, целуясь с ними в губы и лаская их»¹⁰.

3. «**Икономическая этика**». Некоторая общая снисходительность в этических вопросах при теоретически высоком нравственном стандарте. Этические проблемы решаются на основе «икономии». Невысокая реальная требовательность к соблюдению этических норм, сопровождающаяся зачастую строгостью в соблюдении обрядовых мелочей. Это было характерно для господствующей церкви. Типичный образ: русский мужик, который «до смерти работает, до полусмерти пьет».

В современных духовных стихах четко обрисован нравственный христианский идеал. Особые стихи посвящены величайшим христианским добродетелям: любви...

⁸ Духовные стихи Воронежского края / подготовка текста и составление Т.Ф. Пуховой, Т.В. Мануковской, А.А. Чернобаевой. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. С. 158.

⁹ Пругавин А.С. Бунт против природы (о хлыстах и хлыстовщине). М., 1914. С. 74, 77.

¹⁰ Коновалов Д.Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Сергиев Посад, 1908. С. 78.

Люби, когда тебя все любят.
Люби, когда тебя клянут.
Пусть за любовь тебя погубят
И осмеянно предадут.
Люби — пусть будет сердце свято,
Оно завещано Христом.
С ним вместе на кресте распято;
И с ним воскресло с торжеством¹¹.

... и вере.

О, вера, чистая, святая!
Ты — чудоточная струя.
Ты — дверь души в обитель рая,
Ты — жизни будущей заря.

Гори во мне светильник веры,
Гори ясней, не угасай.
Твой Бог принес тебе из рая,
Бальзам небесный — исцелись!¹²

Не забывают авторы духовных стихов о такой христианской добродетели как неосуждение ближнего. Стих на эту тему имеет смысл привести полностью.

Не осуждай, затем что все мы люди,
Все слабы, немощны, опутаны грехом.
Волнуют страсти наши груди,
В грехе родимся и живем.
Не осуждай, чтоб ближним быть судьбою,
Спроси у совести: «Ты сам-то лучше их?»
О, брат, кто точно чист душою,
Тот благ к погрешностям других.
Не осуждай, ведь слову нет возврата.
Смотри, чтоб, как Спаситель наш сказал:
«Увидишь крошку в глазу брата,
А проглядишь в своем бревно».
Не осуждай, затем чтоб обличеньем
Не пал на тебя этот камень с высоты.
Тяжелый камень осужденья,
Которым в брата бросил ты.
Не осуждай, не люди злы душою,
А жизнь людей бывает часто зла.
Сперва узнай, какой их стезею
Она к погибели вела.
Не осуждай, дерзнешь ли поручиться,
Что ты пристрастием не будешь увлечен.

Не осуждай, ты можешь ошибиться.
Не осуждай, ты будешь осужден¹³.

Несколько стихов написано по мотивам знаменитых слов Спасителя «Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне» (Матф. 25:45). Для духовных стихов характерен образ Христа являющегося людям в образе бедного странника.

Может, Он придёт как странник,
Иль больной Он, может быть,
Иль малютка исхудалый,
Всех Христос велел любить¹⁴.

В духовных стихах четко рисуется и образ грешника. Можно обратить внимание на то, какие грехи упоминаются в этом духовном стихотворении.

Сладко ел я, пировал я,
Не щадил сирот и вдов,
Бедным-нищим не дарил я,
Не признавал я Божьих слов!
Бога в сердце не имел я,
Говорил, что Бога нет, —
Теперь стыдно перед Богом
Мне за это дать ответ!

В дни постны не постился,
Говорил, что есть не грех,
Закон Божий не признавал я,
Принимал я всё за смех!
Отца-мать не почитал я,
Всех старался раздражать, —
Теперь стыдно перед Богом
Мне за жизнь отчёт давать.¹⁵

В духовных стихах особенно обличаются пьянство и аборты.

С душевной болью люди зрят
На безутешные рыданья.
Как много смертоносный яд
Приносит горя и страданья.

Печали, скорби, море слез
И плач на погребальной тризне.
О, сколько в мир он зла принес,

¹¹ Духовные стихи Воронежского края / подготовка текста и составление Т.Ф. Пуховой, Т.В. Мануковской, А.А. Чернобаевой. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. С. 189.

¹² Там же. С. 191.

¹³ Там же. С. 185.

¹⁴ Там же. С. 173.

¹⁵ Там же. С. 179.

Бесовский яд — отравы жизни¹⁶.

Если события конца XVII в. и последующие гонения воспринимались старообрядцами как предвестники Страшного Суда, то события в XX в. сделали тему последнего времени и Страшного Суда актуальной уже и для «никониан»:

Бушует житейское море,
В волнах потопает народ.
Повсюду печали и горе,
И грозное время идет.

Господь известил всех пророков
За тысячу лет наперед,
Что будет тяжелое время,
Гнев Божий на землю сойдет.

За то, что Творца не спознали,
Насмешки творили над Ним.
За то, что избранных изгнали,
За имя святое Его¹⁷.

События XX в. воспринимаются как апокалиптические, как наступление последнего времени.

День последний наступает,
Мир колеблется, дрожит,
Всё на свете созревает,
Ко всему конец бежит¹⁸.

Начинаются гонения на Церковь. Наступает всеобщий духовный и нравственный упадок. Всюду распространяются неверие и все виды греха. Храмы повсеместно закрываются.

Слово истины умолкло,
Враг преследует его.
Наша мать, Святая Церковь,
Теперь гонима от него.
Живут люди все в разврате,
Попирают Церковь-Мать.
Живут люди как скотина,
Не стали Бога признавать.

– Это будет при кончине [мира], –
Все пророки говорят¹⁹.

Жизнь унылая настала,
Лучше, братья, умереть,
Что вокруг нас происходит
Тяжело на свет смотреть.
Храмы Божие закрыли,
Их лишили красоты,
Службы Божие забыли,
И священников заключили.

Уж постов не соблюдают,
Божьих праздников не чтут.
В домах шапки не снимают,
Часто в них едят и пьют.
Как врага, креста боятся
Осекаются другим,
Над иконами глумятся
И не кланяются им.
Всюду страшное несчастье
Размелось по стране,
Все забыли благочестье
И предались Сатане.
Не боясь суда Христова,
Что за гробом положен,
Без венца живут святого,
Как скоты, меняют жен.
Часто матери бывают
Даже хуже злых зверей,
Равнодушно убивают
В чреве собственных детей²⁰.

Как известно, «что имеем не храним, потерявши плачем». Если в дореволюционных духовных стихах тема монастырей не занимала значительного места, то теперь православный народ оплакивает их закрытие:

Прощай, прощай, наша обитель,
Прощай, наша мать, навсегда.
Тебя нам, обитель святая,
Не видеть уже никогда

Потухли лампы и свечи
Во храмах навеки святых,
Умолкли священные речи,

¹⁶ Там же. С. 187.

¹⁷ Там же. С. 178.

¹⁸ Там же. С. 180.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 188.

И звон колокольный утих²¹.

Но, даже если вещественные храмы разрушены,
возможно создать храм в своей собственной душе.

К Богу мы стремиться будем,
Создадим в сердцах мы храм²².

Впрочем, ещё есть надежда на духовное возрождение, обновление Отечества. С просьбой о духовной помощи России обращаются к Богородице.

Согрей дыханьем охладевшие сердца,
Своей любовью малодушных укрепи,
Надежду, веру в то, что Русь тогда жива,
Когда в ней каются в грехах своих, верни!

И помоги Отчизне нашей, как и встарь,
Попавшей кознями врага в тягчайший плен,
Через раскаянье, упавшей от грехов,
С Твоею помощью и Божьей встать с колен²³.

Здесь имеет смысл кратко рассмотреть восприятие русским религиозным сознанием переломных исторических моментов. В российской церковно-государственной истории можно выделить две критические точки, точки раскола: середина XVII в. — раскол, вызванный Никонскими реформами и начало XX — раскол, связанный с революционными событиями. Соответственно в каждой из этих точек возникают три богословско-историософские позиции. Различные православные церкви и большинство выделившихся из них конфессий различаются, прежде всего, тем, на какой из этих позиций они стоят. Центральное место в этих позициях занимает ответ на вопрос: «в каком из этих трех периодов мы находимся?». Живем ли мы в эпоху православного царства, или под властью антихриста, или уже при вновь пришедшем Христе?

Имперская позиция. Мы живем в эпоху православного царства. Ныне продолжается эпоха Третьего Рима. Показательным является стих, посвященный святителю Митрофану Воронежскому, записанный в середине XIX в.

Да видят чуждые языки,
К нам с неба милости велики,
Что между нами Бог живет,
И кости праведных блюдет.

²¹ Там же. С. 195.

²² Там же. С. 188.

²³ Там же. С. 169.

Тебя мы в скорбях призываем,
Любовью пламенной горя,
К тебе молитвы проливаем:
Храни отечество — Царя!²⁴

Если говорить о герменевтическом аспекте обоснования концепции Третьего Рима, то следует обратить прежде всего внимание на толкование иноком Филофеем 12 главы Откровения. Он следующим образом толкует образ апокалиптической Жены и происходящие события. Апокалиптическая Жена — это Церковь, змий — Дьявол. Война змия против детей Жены — побуждение Дьяволом христиан ко греху. Бегство Жены — переход Церкви из первого Рима во Второй, а затем — и в Третий (из-за отпадения первых двух от истинной веры). Пустыня, в которую бежала Жена — Россия, т.к. она была в духовном отношении длительное время (до Крещения Руси) пустыней и в ней не проповедовали апостолы. Второй момент — восходящие к Августину толкование тысячелетнего Царства как христианского государства. Это государство будет существовать до тех пор, пока не завершится история и не произойдет последняя битва с Сатаной (Откр. Гл. 20). Следовательно, если история еще не завершилась, должно существовать и православное государство. Этой позиции придерживалась после первой критической точки государственная Греко-российская церковь, а в послеоктябрьский период — Московская Патриархия. Существование подлинной иерархии неотделимо от существования православного Царя. В частности, поэтому (а не только из страха) иерархи Московской Патриархии называли Сталина таким образом. Если Сталин не богопоставленный вождь (т.е. хоть какая-то замена православного царя), то и они — не иерархи.

Апокалиптическая позиция. Наступило антихристово (или предантихристово) время. Православное Царство пало, благодать покинула людей. Прочитируем стих, тоже обращенный к святителю Митрофану, но написанный уже в XX в.

Мы, как овцы, заблудились,
Потеряли пастыря,
Закон Божий мы забыли
И Небесного Царя

Помрачились душами,
Потеряли мы любовь,

²⁴ Фомичева Ж.В. Стихи святителю Митрофану (по архивным материалам Русского Географического Общества г. Санкт-Петербурга) // Духовные стихи Воронежского края / подготовка текста и составление Т.Ф. Пуховой, Т.В. Мануковской, А.А. Чернобаевой. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. С. 25.

Любить ближних перестали,
Проливаем всюду кровь.

Помрачилось душами,
Кдалилась благодать.
А с чем явимся пред Богом,
За что милость ожидать²⁵.

Герменевтическое ее обоснование этой позиции основывается, в том числе, и на толковании тех же мест, что и предыдущей позиции, только эпоха тысячелетнего царства полагается уже завершенной. В XVII в. эту позицию заняли старообрядцы. В самом годе проведения Московского собора осудившего старую веру видят апокалиптический смысл — $1666=1000 + 666$. 1000 — число Христово, оно показывает, что Христово царство завершилось. 666 — число антихристово, оно показывает, что наступило царство антихриста. Слова Христа «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимает Меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (Иоан. 5:43) толковались как указывающие на изменение написания имени «Иисус» в новых книгах. В казни протопопа Аввакума и гонении других старообрядцев видели исполнение евангельского пророчества: «Ибо в те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения, которое сотворил Бог, даже донныне, и не будет» (Марк. 13:19). В XX в. — представители катакомбной (Истинно-Православной) церкви. Апокалиптические гонения теперь отождествляются с гонениями на Православную Церковь в советское время. Удерживающий, о котором говорится во Втором послании Фессалоникийцам отождествляется с Российском Императором. Ап. Павел пишет «Ибо тайна беззакония уже в действии, только [не совершится] до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь». Поскольку удерживающий теперь взят — тайна беззакония совершилась. Здесь, в свою очередь, выделяются два варианта практических выводов из создавшейся ситуации. Во-первых, создание собственной иерархии. Это путь Белокриницкой и Новозыбковской иерархий в старообрядчестве и той части катакомбного православия, которая имело свою иерархию. Во-вторых, отрицание, теоретическое или практическое, самого существования иерархии в наступившую эпоху. Некоторое время существуют священники, поставленные еще до падения Церкви. После того как таковые исчезают из пределов досягаемости конкретных общин, оставшиеся миряне стремятся, по-возможности, сохранить богослужебный

уклад без священников. Таинства или не совершаются вовсе или считается, что их могут совершать и миряне (речь здесь, разумеется, не идет о крещении, которое и так могут, в случае необходимости совершать миряне). Возникает представление о том, что благодати во внешних таинствах больше нет, благодать пребывает в душе каждого верующего. В старообрядчестве таких взглядов придерживаются беспоповцы, а в катакомбном православии — общины, существовавшие без священников. Эти течения не вводят каких-либо догматических новаций, богослужебные изменения обусловлены невозможностью в точности выдерживать богослужебный устав. В таких течениях возникают изоляционистские тенденции, стремление свести к минимуму контакты с представителями официальной церкви.

Постапокалиптическая позиция. Эту позицию в XVII в. заняли «Люди Божии» (христоверы) и затем духоборы, а в XX — некоторые ветви Истинно-Православного Христианства (например, федоровцы). Христос уже пришел вторично. Приходу антихриста противопоставлено Пришествие Христа. Более того, пришествие Христа повторяется циклически. Вообще, для русского религиозного сознания характерно стремление видеть Христа вновь воплощенным, вторично пришедшем в образе конкретной личности, почитаемого духовного лидера. Почитание духовного лидера общины на Западе обычно останавливается на степени пророка (пророчица Елена Уайт у адвентистов, пророк Джозеф Смит у мормонов). В России мы видим почитание живого Христа у представителей самых различных религиозных сообществ, не исключая неформальные кружки в недрах «официального» православия (из которых наиболее известен кружок иоаннитов).

Проиллюстрирую эту позицию фрагментами нескольких федоровских стихов из моего собрания.

Однажды утром в воскресенье
Читал я книгу в тишине,
Что сам Господь — Создатель мира
За нас распялся на кресте,

Что в третий день он встал из гроба,
С собою мертвых воскресил
И смерти грозную державу
Своею смертью победил

Прошли века и вдруг я слышу,
Христос вторично приходил
И вновь своей пречистой кровью
Он Землю нашу освятил.

²⁵ Духовные стихи Воронежского края / подготовка текста и составление Т.Ф. Пуховой, Т.В. Мануковской, А.А. Чернобаевой. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. С. 135

Большевистское государство — это новый Вавилон, и именно в нем происходит Пришествие Христа.

О Вавилон, о град всемирный,
О град насилия и зла,
В тебе страдал наш искупитель
Он нас избавил от греха.

Огонь железо и мученья
Его коснуться не могли.
Он разбивал все ухищренья
И всю жестокость Сатаны.

И он безгласную природу
Своим веленьям подчинял
И удивленному народу
Всю силу Бога показал.

Россия — это место явления и антихриста и Христа.

Христос и пророки в Россию пришли
И верные люди за ними пошли.

Уверовавшие во вторично пришедшего Христа уже воскресли духовно и пребывают в вечности.

Мы воскресли вместе с Господом своим
На стеклянном море мы пред ним стоим.

Ахнул дерзкий богоборец
И зубами закрипел
А над нами хор небесный
Песню чудную запел.

С той поры настала вечность,
Время кончилось для нас.
Мы узнали, что Спаситель
Вновь страдать идет за нас.

Пришествие Христа требует бескомпромиссного следования за ним.

Мы в жизни здесь всё потеряли,
Оставили ради тебя,
Самих себя в жертву отдали,
Прими эту жертву любя.

Начала этого явления можно отнести как минимум к XVII в. Как пишет А.А. Панченко, «...крестьянских ‘христов’» в рассматриваемую эпоху было много, что речь идет не об исключениях, а о норме народной ре-

лигиозной жизни конца XVII — начала XVIII вв.»²⁶. Крестьянская вера в «живых христов» неожиданно перекликается с некоторыми идеями русских религиозных философов. Обсуждая мистический опыт В.С. Соловьева, С.Н. Булгаков пишет в «Тихих думках»: «Если на основании собственного учения Вл. Соловьева о Софии приходится установить, что только Христу принадлежит активное, творческое начало логоса в отношении Софии, как «телу» Божества или предвечной женственности, то не придется ли признать, что Соловьев именно так сознавал себя в отношении к «вечной подруге»²⁷? Разумеется, прямо признать Соловьева воплощением Христа Булгаков не решается. Поэтому предлагается компромиссный вариант. «Можно допустить, что смертному, как единственному с Господом в Его человечестве, в моменты благодатного озарения дано такое общение с Христом, которое позволяет зреть лицом к лицу и божественную Софию»²⁸. В другом кружке последователей и почитателей Соловьева — среди символистов — вопрос о воплощении Христа не занимал первого места. Внимание было сосредоточено на Л.Д. Менделеевой — воплощении апокалиптической Жены Облеченной в Солнце. Андрей Белый в знаменитой статье «Апокалипсис в русской поэзии» пишет о ней строки, которые имеет смысл процитировать целиком. «Она уже среди нас, с нами, воплощенная, живая, близкая — эта узанная наконец муза Русской Поэзии, оказавшаяся Солнцем, в котором пересеклись лучи новоявленной религии, борьба за которую да будет делом всей нашей жизни. Вот она сидит с милой и ясной улыбкой, как будто в ней и нет ничего таинственного, как будто не ее касаются великие прозрения поэтов и мистиков. Но в минуту страшной опасности, когда душу обуревают безумие хаоса и так страшно “среди неведомых равнин”, ее улыбка прогоняет вьюжные тучи; хаотические столбы метели покорно ложатся белым снегом, когда на них обращается ее лазурный взор, горящий зарей бессмертия. И вновь она уходит, тихая, строгая, в “дальние комнаты”. И сердце просит возвращений»²⁹.

Репертуар православных духовных стихов в наши дни пересекается с репертуаром протестантских духовных песен. В рассматриваемом сборнике однозначно протестантское происхождение имеют, по крайней

²⁶ Панченко А.А. Христовщина и скопчество. Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002. С. 121.

²⁷ Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 79.

²⁸ Там же.

²⁹ Белый Андрей. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 416.

мере, 8 стихов. Причем у протестантов заимствуются, прежде всего, те духовные песни, которые являются оригинальными, созданными в России, а не заимствованными у западных протестантов. Их мелодика и содержание сами по себе близки к современным православным стихам. Если духовные стихи являются выражением определенных типов религиозности, то это может быть рассмотрено как сближение православной и протестантской религиозности. С одной стороны, русский протестантизм советского периода становится явлением именно русской религиозности, пропитывается «русским духом», с другой стороны, православная народная религиозность обращается к характерным для протестантизма мотивам личных отношений между человеком и Богом, непосредственного обращения к жизни Иисуса как к примеру для христианина, оказавшегося в критической ситуации.

Определенным образом отразилось на текстах духовных стихов и повышение общего образовательного уровня, как их исполнителей, так и слушателей. Если Г.П. Федотов еще мог исключить из своего рассмотрения силлабические стихи, как заключающие в себе богословскую грамотность, превышающую чисто народный уровень, то в настоящее время это совершенно невозможно. Если не богословская, то обычная грамотность стала всеобщим явлением. Впрочем, уже во времена Федотова намерение выделить с помощью духовных стихов записанных в XIX в. народную веру допетровской Руси носило утопический характер, связанный с фантазиями славянофильского толка. Тем более, уж никак нельзя судить о «допетровской вере» по стихам, записанным во второй половине XX в.

Несколько слов надо сказать и об исполнении духовных стихов в наше время. В противоположность намеренно монотонной богослужебной рецитации и подчиненному системе стандартных гласов церковному пению, духовные стихи исполняются таким образом, чтобы максимально выразить конкретное эмоциональное состояние и передать его слушателю. Здесь будет уместным охарактеризовать три характерные для русского религиозного сознания отношения к богослужению.

Обрядовечерская ориентация. На первом месте — «Типикон спасения», или даже — «спасение как Типикон». Принципиально важно скрупулезное соблюдение богослужебного устава. Возможен только один истинный устав, не допускающий вариантов. Новшества также недопустимы — «положено до нас — лежи оно так вовек». Этот тип чаще всего сопрягается с вторым типом из предыдущей классификации. Действительно, для старообрядческих и катакомбных общин характерно стремление максимально точно (насколько это в новых

условиях возможно) воспроизвести богослужебную практику дониконовской или дореволуционной церкви. Впрочем, эта литургическая позиция вступает в примечательное противоречие с метаисторической позицией. Именно из-за наступления антихристового времени воспроизведение «старого» богослужебного устава в полной мере оказывается невозможным и приходится прибегать к разного рода заменам.

Ориентация на эмоциональное переживание. На первом месте — эмоционально насыщенный мистический опыт. Ориентация на внутреннее состояние, а не на внешний обряд. Здесь довольно широкая шкала интенсивности такого переживания. Различаются также внешние формы его выражения. Иногда это переживание доходит до экстатической степени — как у хлыстов или пятидесятников, иногда остается довольно умеренным — как у баптистов. Характерно, что у пятидесятников и баптистов важнейшее место в богослужении занимает общее пение. Проповедь не столько сообщает некую информацию, сколько должна вызвать определенные эмоциональные переживания.

Рационалистическая ориентация. Акцент на обмен определенной богословской информацией (чаще всего, касающейся интерпретации Священного Писания). Высоко ценится свобода в трактовке богословских вопросов (в известных пределах) и возможность для богословского самовыражения. Обычно сочетается с эгалитарными тенденциями в организации общины. Такая ориентация в наиболее ярком виде проявилась в богослужении «постоянных» молокан. Не случайно их собрания именуются беседами, и всякий член общины мужского пола имеет право произносить проповедь. В молоканстве нет характерного для баптизма и пятидесятничества разделение общины на тех, кто имеет право проповедовать и тех, кто такого права не имеет.

Характерно, что господствующая церковь соединяла в своей богослужебной практике все три тенденции, хотя третью, пожалуй, в наименьшей степени. Церковное пение и исполнение духовных стихов образуют два взаимодополняющих полюса в религиозной жизни русских православных людей XX в.

Итак, изменения в содержании духовных стихов связаны с социальными потрясениями, с урбанизацией, с переходом от традиционного общества к обществу модерна (разновидностью которого является социалистическое общество). Однако эпоха модерна завершается, на смену ей приходит постмодерн. Какие изменения принесет этот переход — тема для дальнейших исследований.

Список литературы:

1. Белый Андрей. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994.
2. Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996.
3. Духовные стихи Воронежского края / подготовка текста и составление Т.Ф. Пуховой, Т.В. Мануковской, А.А. Чернобаевой. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. 283 с.
4. Коновалов Д.Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Сергиев Посад, 1908.
5. Королева Л.А., Королев А.А., Молькин А.Н. Государственно-православные отношения в СССР в период «перестройки» (по материалам Пензенской области) // NB: Исторические исследования. 2013. № 5. С. 120-130. (URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_9348.html).
6. Панченко А.А. Христовщина и скопчество. Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002.
7. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. М.: Возрождение, 1992.
8. Попов Е.А. Культура, общество и человек в объектно-предметном поле современной социальной культурологии и социологии культуры // NB: Философские исследования. 2013. № 3. С. 170-204. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_415.html).
9. Пругавин А.С. Бунт против природы (о хлыстах и хлыстовщине). М., 1914.
10. Федотов Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Вступ. ст. Н.И. Толстого; Послесл. С.Е. Никитиной; Подготовка текста и коммент. А.Л. Топоркова. М.: Прогресс, Гнозис, 1991. (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения). 192 с.

References (transliteration):

1. Belyi Andrei. Simvolizm kak miroponimanie. M.: Respublika, 1994.
2. Bulgakov S.N. Tikhie dumy. M.: Respublika, 1996.
3. Dukhovnyye stikhi Voronezhskogo kraya / podgotovka teksta i sostavlenie T.F. Pukhovoi, T.V. Manukovskoi, A.A. Chernobaevoi. Voronezh: IPTs «Nauchnaya kniga», 2011. 283 s.
4. Konovalov D.G. Religiozniy ekstaz v russkom misticheskom sektantstve. Sergiev Posad, 1908.
5. Koroleva L.A., Korolev A.A., Mol'kin A.N. Gosudarstvenno-pravoslavnyye otnosheniya v SSSR v period «perestroiki» (po materialam Penzenskoi oblasti) // NB: Istoricheskie issledovaniya. 2013. № 5. С. 120-130. (URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_9348.html).
6. Panchenko A.A. Khristovshchina i skopchestvo. Fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt. M.: OGI, 2002.
7. Polnyi pravoslavnyi bogoslovskii entsiklopedicheskii slovar'. T. 1 M.: Vozrozhdenie, 1992.
8. Popov E.A. Kul'tura, obshchestvo i chelovek v ob'ektno-predmetnom pole sovremennoi sotsial'noi kul'turologii i sotsiologii kul'tury // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 3. С. 170-204. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_415.html).
9. Prugavin A.S. Bunt protiv prirody (o khlystakh i khlystovshchine). M., 1914.
10. Fedotov G.P. Stikhi dukhovnyye (Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham) / Vstup. st. N.I. Tolstogo; Poslesl. S.E. Nikitinoi; Podgotovka teksta i komment. A.L. Toporkova. M.: Progress, Gnozis, 1991. (Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura slavyan / Iz istorii izucheniya). 192 s.